ЛИНГВИСТИКА

К В А Н Т Р Е Ч И

Б.С. ГУЛАКЯН
РФ, г.Москва

Состояние фонетической науки все более приближает нас к необходимости пересмотра отдельных ее положений в свете данных компаративных исследований и отражения фонетики в зеркале других наук.

Достижение значимых результатов в этой области связано с устранением некоторых несоответствий, укоренившихся в научном обиходе и влияющих на восприятие фонетических (шире – речевых) явлений.

Трудность переоценки этих явлений связана порой с преодолением этических моментов, тормозящих презентацию новых подходов.

Однако молчание не может быть затяжным, идея настоятельно требует представления и обосуждения.

Намеченная цель заставила обратиться к самым авторитетным источникам, содержащим, наряду с незыблемой научной твердью, ставшие привычными, а потому и незаметными необоснованные отступления от строгого подхода.

Выражения несоответствий в аксиоматические дефиниции отражают порой инерционное следование за установленными фактами, порой – стремление к необоснованным обобщениям, а порой – неумение слышать то, что не закреплено письменно.

Обратимся к конкретным примерам. Дефиниция слога в «Словаре лингвистических терминов» А.С.Ахмановой сводится к известным классическим положениям:

Слог – единица сегментации речевого потока, состоящая из слогаобразующего (наиболее звучного) элемента, выступающего в качестве вершины слога (его ядра) и сопутствующих ему менее звучных частей.

Ядро слога – его вокалический центр, по утверждению составителя, обычно «гласный или сонант».

Сонант – согласный или полугласный, способный выступать в качестве слогаобразующего элемента.

Таким образом, «Словарь» утверждает, что свойством слога-

образования обладают, наряду с гласными, и сонанты.

Обратимся к другому авторитетному источнику – пособию А.А. Реформатского «Введение в языковедение». Здесь слогаобразующая функция распространяется на более широкий круг, охватывая весь звукоряд: «... не все звуки могут образовать слог... Для этого не годятся в составе слов звуки мгновенные, т.е. взрывные и аффрикаты.

Длительные могут быть слоговыми по степени сонорности, в первую очередь максимально сонорные – гласные, во вторую – сонорные согласные и, наконец, фрикативные, ср. русское перст, где слоговое е, сербское прст, где слоговое р, и французское pst, где слоговое з. В таких языках, как сербский, слоговые согласные – особые единицы (сербск, прст – «палец», срп – «серб» и т.п.)¹.

Распространяя слогаобразующую функцию и на фрикативные, А.А. Реформатский представляет ее более расширительно, чем О.С.Ахманова.

Он отказывает в способности быть слогаобразующими только «мгновенным звукам» – смычным согласным и аффрикатам. Однако в сноске на той же странице читаем: «Мгновенные могут быть слоговыми в изоли-

рованном (искусственном) употреблении, например, «слоговые [к] и [ц]»².

Таким образом, свойство слогаобразования распространяется на все типы звуков – от гласных до «мгновенных».

Помимо внутреннего противоречия, такой подход означает на деле отрицание функции образования слога в принципе, если это присуще всем типам звуков, значит, является неотъемлемым качеством любого звука, так же, как и другие общие фонетические свойства.

Примечательно, что такой подход сосуществует с прямой подсказкой-транскрипцией слов английского языка, представленный в соответствующих лексикографических изданиях: [neɪfən], [nætzrəl], [neɪzəl], [cændəl].

Примечательно также, что в самой русской фонетической науке сосуществуют прекрасно разработанная теория побочной слоговости (Р.И.Аванесов – «Фонетика современного русского литературного языка») и представление о «слоговых» сонантах, фрикативных и даже взрывных.

Простейший фонетический эксперимент – скандированная артикуляция приведенных сербских примеров показывает место «растяжки» звука без изменения качества его звучания: оно

¹ Реформатский А.А. – Введение в языковедение. М., «Просвещение», 1967, стр. 189.

² Там же

находится после начального согласного перед последующей консонантной группой: [vəl̩n], [kərk], [sərp].

Но... нет буквы, нет и восприятия звука, вернее, представления о нем. Однако, как этот звук ни мал, он не равен нулю, а значит – игнорировать его недопустимо.

В противовес существующему неадекватному представлению о структуре слога со «слоγοобразующей» сонорной вершиной уместно обращение к словам крупнейшего специалиста по слоγοфонемным языкам В.М. Солнцева: «... в любом языке артикуляция согласного, если он не сопровождается конкретным гласным, сопровождается гласным призвуком нейтрального характера.

В изолирующих языках место этого призвука занимает конкретный гласный... Вне слогов звуки ни в одном языке не могут функционировать в речевой цепи. Это, как известно, эмпирически установленный факт, а отдельные согласные, как уже было сказано, при изолированном употреблении имеют гласный призвук. Известный шуточный пример [strč prst skrz krk] – «проткнуть пальцем горло» только на письме лишен гласных».³

³ Солнцев В.М. – Введение в теорию изолирующих языков. М., «Восточная литература», 1993, стр. 34, 45.

Два взгляда на одинаковые объекты, один из которых, представляя слоγοфонемное мышление, абсолютно адекватен и исключает все противоречия и принципиального, и практического характера. Слоγοобразующая функция гласного является его определяющей характеристикой и не терпит никаких параллелей в виде мнимой слоγοобразовательной способности у других членов звукоряда.

В то же время между выполняющими функцию слоγοобразования гласными звуками полного образования и редуцированным гласным звуком существуют определенные отличия, которые целесообразно рассмотреть и в фонетическом, и в более широком – фонологическом плане.

Специфика редуцированного «более краткого, чем нормально краткий того же языка» («Словарь лингвистических терминов»), а также его функционирование могут служить основанием для сравнения его с наименьшими физическими величинами и вторжения, тем самым, в область фонетического микромира. Это дает возможность упорядочения наших представлений о фонетическом мире в его макро- и микроипостасях.

Редуцированный гласный – наименьшая по темпоральным характеристикам слоговая вершина.

В дефинициях этого гласного как бы предощущается образ фонетического микромира, в котором совершается речедействие, меньше которого не бывает (артикуляция слога с единственным элементом – редуцированной гласной), совершаемое единицей, меньше которой не бывает (редуцированный гласный).

Известно, что в определении состава национальных алфавитов действует стихийно ощущаемый неспециалистами-информантами принцип функциональной значимости звуков, соответствующих буквам алфавитов.

Редуцированный гласный (призвук), являясь фонетическим средством артикуляции согласного, превращающий согласный или его сочетание в слог, слаб не только по своим акустическим и артикуляционным свойствам. Он используется как фонетический дополнитель, участвующий в естественной сегментации речевого потока, но фонологически он не валентен и в фонологические позиции не входит.

С трудностью определения фонетических слогов, образуемых с помощью редуцированного, связана расшифровка многих текстов на неизвестных языках, представленных лексическими единицами со скоплением непроносимых групп согласных. И если фонологический слог определяется по фиксируемой на

письме его гласной вершине, поиски фонетического слога требуют непростого анализа внутри фонологического слога и с простой, и со сложной орфографической структурой: лба – фонологически односложная, фонетически двусложная структура [эл-ба], рубль – фонологически односложная, фонетически двусложная структура [ру - бэль], социализм – фонологически четырехсложная, фонетически пятисложная структура [со –ци –а-ли-зэм], грузинские mgela – фонологически двусложная, фонетически трехсложная структура [эм- ге -ла], mšvidoba – фонологически трехсложная, фонетически четырехсложная структура [мэš-vi-do - ba], Mçceta – фонологически двусложная, фонетически трехсложная структура [мэç – che - ta], Mtaçminda – фонологически трехсложная, фонетически четырехсложная структура [мэ- таç –min - da], польское Zbignev – фонологически двусложная, фонетически трехсложная структура [эз –big –nev], чешское Trnka – фонологически односложная, фонетически трехсложная структура [тэ - гэн - ка] и, конечно, часто упоминаемый армянский пример Мкртчян – фонологически односложная, фонетически трехсложная структура [мэ - кэрт –čyan].

Словари армянских слов представляют экзотические для многих языков слоговые структу-

ры с многочисленными консонантными группами (до восьми инициалей), единственным средством артикуляции которых являются редуцированные гласные: t' rchkt'rchkaçnel – звукоподражательный глагол – фонологически двусложная, фонетически шестисложная структура [t'ə-rəehx-t'ə-rəsh-kac-nel].

Фиксация редуцированного гласного как средства производства речи имеет свою историю. Помимо установления явлений побочной слоговости, появляющейся в случае нарушения восходящей (в начале слова) и нисходящей (в его конце) звучности, помимо свидетельства В.М. Солнцева – лингвиста со слогофонемным мышлением, и поэтому четко слышавшего призвуки, формирующие речь в неслогофонемных языках, существуют тончайшие наблюдения Л.В.Бондарко. Ее фонетические эксперименты не ограничиваются рамками звучащей речи, а выходят на фонологический уровень: “У конечных согласных появляется как бы элемент гласного..., которого нет в фонологической системе языка”⁴ и дальше: “Согласные, находящиеся в абсолютном конце слова, только условно можно считать элементами закрытого слога

... в абсолютном конце слова может образоваться дополнительный “паразитический слог”.⁵

Все эти свидетельства заставляют сосредоточиваться на роли редуцированного гласного, правила функционирования в речи которого специфичны и подчиняются иной фонетической “механике”, чем функционирование гласных полного образования.

Появление этого фонетического средства организации плавности речи может быть разноместным, не отражаясь на значении слова. Разные словари английских слов порой по-разному отмечают место его появления в одной и той же лексической единице: nation – [neifn] и [neifən], national – [næfnl] и [næ-fə-nəl].

Разговорный вариант артикуляции, например, имени известного литературного персонажа использует редуцированный гласный для более удобной артикуляции сложного для русского произношения слова: вместо ортодоксального [caɪl -son] – вариант [caɪ - lə -son].

Такой свободой “передвижения” не обладают гласные полного образования, положение которых в слове определяет его семантику горб – гроб, трос – торс, но – он, корт – крот, жри – жир, челн – член, про – пор и т.д.

⁴ Бондарко Л.В. – Звуковой строй русского языка. М., “Просвещение”, 1977, стр. 126.

⁵ Там же, стр. 125.

Наблюдения над особенностями функционирования в речи редуцированной гласной удобно проводить на материале армянского языка, имеющего в составе своего алфавита букву, соответствующую редуцированному гласному. Его функции не ограничиваются звучащей речью, он имеет и орфографическую специфику.

Буква, соответствующая этому звуку, появляется при переносе слов, постоянным же местом его звучания является позиция между начальным и последующим согласным или консонантной группой: [bə-γavel], [mət-rak], [chərt-vilak].

Физические характеристики редуцированной гласной и особенности ее речевого функционирования представляют речевую единицу, отличную от других гласных. Она появляется как средство обеспечения плавности речи: [və lk], [metər], [nei-fən] и т.д.

Это – реальная произносительная единица. Здесь налицо фонетико-физические аналогии слияния частицы (вещества) и волны.

Фонетика имеет возможность установления безусловных аналогий с особенностями функционирования единиц, меньше которых не бывает, в других областях (физика, химия, биология).

Мы имеем возможность, право и даже обязанность гово-

рить о кванте речи, единице, меньше которой нет, совпадающей в определенных условиях (предельное сжатие слога до его ядра за счет факультативных составляющих – согласных) с действием, меньше которого нет. Изложенное опирается на логику, действующую в пределах науки. Оно соответствует современному прагматическому отношению к результату научного исследования: “сегодня наука – завтра техника”. Оно совпадает с актуальной многие годы тенденцией добиваться создания совершенных возможностей записи речи, ценных не только для чисто физиологических целей, но и для расшифровки разных типов записи письменных и устных текстов.

“Звуковые характеристики русской речи исследуют не только лингвисты. Физиологи создали одну из наиболее совершенных установок по изучению артикуляционных движений, разрабатывают сложную и эффективную методику исследования восприятия речи человеком”.⁶

Проблема не стареет, она направлена на речевую палеонтологию и на будущее человеческой речи. Учет в синтезировании речи человека всего, что соответствует ее производству, настоятельно требует повышенного внимания

⁶ Бондарко Л.В. – Звуковой строй современного русского языка. М.: Просвещение, 1977, стр. 16.

не только к коммуникативно значимым представителям макросистемы языка, но и к мельчайшим его единицам, не равным нулю и обеспечивающим эту коммуникацию на основе дополнительного соединения с элементами макросистемы.

Поиски кванта речи относятся к попыткам установить сходство стержня атома речи с планетарным атомом.

Имеет ли фонетическая наука возможность проведения такого сопоставления, достаточно ли разработан ее аппарат, чтобы ценой проб и неизбежных, но неприципиальных заблуждений установить аналогии на основе взаимосвязи наук? Наша попытка не представляется преждевременной. Оттяжка означала бы на деле затянувшееся равнодушие к некоторым реалиям и нежелание понять очевидное. Удовлетвориться несоответствием в определении ядра речевого атома – слога, в разнице механизмов, управляющих макросистемами и микросистемами речи, означало бы на деле вывод речи из ряда общих явлений физического мира.

Аналогии «атом речи – планетарный атом» прозрачны, их установление, не являясь самоцелью, диктуется логикой изучения речевых единиц.

Речь обладает частицами, формирующими вещество – единицы речи, вместе с тем, она обладает средством организации этих единиц (частиц), делающих речь плавной, произносимой и воспринимаемой, подобно квантам, производящим не вещество, а излучение.

Мы используем результаты исследований физической науки, находя в них аналогии с речью, порождаемой человеком. Возможно, на этом пути допускаются неточности, несоответствия. Неизбежность этого не должна удерживать от представления того, что очевидно, что помогает объяснить и привести в соответствие с логикой науки игнорируемые (сознательно или бессознательно) факты и восстановить производство нашей речи в правах в общей системе наук о природе вещей.